

Глава 34. Белые одежды, подобно мне

Внезапно вселенная опустела, а время замерло.

Цзо Юэшэн увидел простирающиеся вдаль горы; Лу Цзин — женщину в длинном голубом платье у окна; Е Цан — пылающее в небесном огне исполинское дерево; Лоу Цзян — две падающие тени... Множество знакомых и далёких лиц и картин пронеслись перед глазами, и свет в зрачках, преломляясь, рассыпался на осколки.

Их поглотил этот поток, словно причудливый сон.

— Ублюдок!

Старейшина Тао Жун в ярости, подобно гигантской птице Пэн, взмыл в воздух и обрушил свой меч на Чжоу Цзыяня, стоявшего на вершине Круглого алтаря.

— Что ты творишь?!

Сияние меча было стремительным, как молния. Тело Чжоу Цзыяня распалось на две половины, но из раны не брызнуло ни капли крови.

Его фигура, подобно росе под утренним солнцем, начала стремительно испаряться и таять. Узоры на селадоне, алые языки пламени свечей, радужная дымка над водой — всё вокруг стремительно теряло цвета, словно холст, который пронзили мечом. Старейшина Тао вместе со своим клинком прорвался сквозь бумажный занавес в другой, тусклый и пыльный мир.

Здесь не было ни ветра, ни воды, ни огня.

Селадоновые чаши стояли на растрескавшемся дне озера, свечи догорели, оставив лишь почерневшие фитили. Жрицы и жрецы у четырёх врат бесследно исчезли, как и Цю Бодэн с остальными, что были в павильоне на воде.

— Луна в воде, цветы в зеркале... Недурно, отличная формация.

Старейшина Тао стоял на том месте, где только что был Чжоу Цзыянь, и его рукава медленно опускались.

— За эти годы ты многому научился.

Небосвод был серым, Круглый алтарь — серым, коридоры, павильоны, беседки и все строения вдалеке — тоже были серыми. Лишь тени от предметов казались угольно-чёрными.

— Жалкие фокусы, не стоящие внимания учителя.

Чжоу Цзыянь скрывался во тьме, его фигура была невидима.

— Человек, обучивший тебя искусству формаций, обладал поистине непостижимым мастерством. Если это жалкие фокусы, то все мастера Мо из Павильона Гор и Морей могут смело удавиться, — произнёс старейшина Тао.

Он опустил меч правой рукой. Кончик клинка, отмеченный ледяным блеском, был направлен на каменные плиты, которые, словно не выдерживая его остроты, беззвучно покрылись паутиной трещин.левой же рукой старейшина достал курительную трубку и закурил.

— Кто сказал тебе, что мы прибудем в город Жу? Что они тебе пообещали?

— Разве учитель не слышал? — Чжоу Цзыянь, казалось, усмехнулся. Тени от окружающих строений медленно удлинялись, постепенно накрывая иссохшие лотосы из селадона, что росли на дне озера. — Обещали мне солнце и луну, обещали мне четыре ветра.

— Глупец!

Старейшина Тао резко оборвал его. Он стукнул мундштуком трубки по пустоте, выбивая несколько тёмно-красных искр. Искры, вспыхнув, упали на дно озера, на искажённые тени павильонов и беседок, и в одно мгновение те начали тлеть, обращаясь в белый пепел.

— Непроходимый идиот! Неисправимый упрямец! Ты веришь всему, что тебе говорят? Думаешь, если станешь их цепным псом, если будешь продавать за них свою жизнь, они и впрямь выполнят свои обещания? Похоже, весь твой рост ушёл в собачье угодничество.

— Учитель прав в своих упреках, но разве Павильон Гор и Морей сейчас не служит цепным псом для Ста кланов? — Чжоу Цзыянь слегка поклонился, словно всё ещё находясь на уроке в ожидании наставлений учителя. — Сто кланов отправились в поход на юг против племени колдунов, и, проходя через область Цин, Павильон Гор и Морей не только согласился пропустить их, но и оказал поддержку. Что это, если не стремление стать авангардом Ста кланов? Или же...

До сих пор он говорил с неизменным почтением, но теперь острые клинки, долгое время таившиеся в его сердце, вырвались наружу, звеня в его голосе.

— ...это тоже то, что вы называете «искусством равновесия»?

Трубка замерла в воздухе. Вокруг воцарилась мёртвая тишина.

— Давно ты меня ненавидишь? — старейшина Тао медленно затянулся, и выдыхаемый дым затуманил его взор. — Когда устраивал нас на постой, наверное, вздохнул с облегчением? Ведь если бы я остановился в Ведомстве городских оракулов, тебе пришлось бы потратить немало сил, чтобы сдержать жажду убийства, и ты легко мог бы себя выдать.

— Ученик не смеет, — холодно ответил Чжоу Цзыянь.

— Раньше меня больше всего раздражала в тебе эта черта. Упрямый, как бык, а на словах со всем соглашаешься. Ненавидишь — так и скажи, к чему эти ученические церемонии? Никакого юношеского задора, — старейшина Тао выпустил трубку из рук, и она с глухим стуком упала на чёрный камень. Он перехватил меч обеими руками и выставил его перед собой. Ветер трепал его седые волосы. — Но ненавидеть меня или Павильон Гор и Морей — это одно. Не следовало тебе трогать того юношу из школы Тайи. Ты ведь всё ещё держишь его меч? Когда ты успел научиться забывать добро?

Чжоу Цзыянь опустил голову.

Меч Тайи в ларце слабо дрожал, изо всех сил пытаясь вырваться, но двенадцать медных цепей крепко держали его.

«У меня есть меч».

«Хочешь принести жертву небесам — приходи ко мне за мечом».

Юноша в красном, раскрыв бумажный зонт, скрылся за пеленой дождя, и лишь его голос, казалось, остался здесь, подхваченный каплями.

Чжоу Цзыянь закрыл глаза.

— Он сказал, что город Жу прекрасен, но эта красота — лишь брызги крови из самого сердца, последний миг перед концом... Жизнь не сулит надежд, смерть не внушает страха. Забыв о чести и долге, сегодня ученик тоже нашёл своё равновесие!

Он резко открыл глаза, и взгляд его стал ледяным.

— Учитель, прошу вас, дайте мне наставление!

Мир поглотила тьма, и тени окутали всё вокруг.

Серые стены, серая черепица, серые карнизы.

Цзо Юэшэн стоял на улице Пань, ошеломлённый, чувствуя, будто попал в тень города Жу.

— Чёрт возьми, — пробормотал он, — что происходит?

— Всё сущее подобно сну, иллюзии, пузырю, тени, подобно росе и молнии, и должно так восприниматься... — монах Буду, стоявший рядом, озирался по сторонам. — Это луна в воде, цветы в зеркале.

— Что... что это значит? — не понял Лу Цзин.

Он не только не понял, он вообще не мог сообразить, что творится.

Он помнил лишь, что только что они были на церемонии жертвоприношения небесам, где горели тысячи огней, и всё было невероятно пышно. А потом... тот, кто... а, Чжоу Цзыянь, взмахнул рукавами, и водный поток, соединявший небо и землю, обрушился на них. В калейдоскопе света и тени он снова увидел свою матушку, сидящую у окна...

А потом очнулся и обнаружил себя на улице Пань.

Всё на улице Пань было точно таким же, как вчера, когда они гуляли по ночному рынку.

Лавка, где продавали украшения для волос, всё так же торговала украшениями; та, что продавала свежесрезанные цветы, всё так же торговала цветами; даже лавка с клетками, где Цзо Юэшэн битый час торговался из-за одного взня, была на месте... Люди и вещи не изменились, вот только всё вокруг утратило свои краски, стало серым и тусклым.

«Почти» — потому что алый цвет шёлка и парчи всё ещё оставался.

Но на улице больше не было ни плывущих рыб жу, ни переливающегося блеска их чешуи. Эти ткани в серой мгле походили на брызги крови, и от этого зрелища становилось не по себе.

— Это значит, что мы в ловушке, в смертельной формации!

Лоу Цзян с позеленевшим лицом выхватил меч и настороженно уставился на неподвижных людей.

— Луна в воде, цветы в зеркале — всё это иллюзия. Церемония жертвоприношения.

<http://bllate.org/book/16967/1588365>